

Л. Тихомиров

**Почему я перестал быть
революционером**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Тихомиров**
Почему я перестал быть революционером / Л. Тихомиров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 126 с.

ISBN 978-5-458-31373-5

Лев Александрович Тихомиров (19 (31) января 1852, Геленджик — 16 октября 1923, Сергиев Посад) — русский общественный деятель, в молодости — народоволец, будучи в эмиграции, издавал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник Народной воли»; в 1888 отрёкся от революционных убеждений и, вернувшись в Россию после помилования, стал монархистом.

ISBN 978-5-458-31373-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

перь сдѣлать то, чего обстоятельства не допустили нѣсколько лѣтъ назадъ, то-есть опубликовать въ пересмотрѣнномъ видѣ это объясненіе, которое, будучи моимъ личнымъ, кажется, далеко не лишено общаго значенія. Само-собой разумѣется, что я исправляю всѣ мѣста, признанныя въ 1888 году неудобными. Но за симъ все остальное, то-есть, другими словами, все существо моего объясненія, я оставляю въ подлинности, какъ оно было. Конечно, въ интересахъ проповѣди своихъ идей, я могъ бы многое здѣсь дополнить и развить. Но мое объясненіе имѣло личное, документальное для меня значеніе, и я не хочу какими-нибудь дополненіями давать поводъ къ упреку, будто бы я выставляю себя теперь хотя бы нѣсколько инымъ, нежели былъ. Въ дѣйствительности, конечно, ничего подобнаго и нѣтъ. Не говорю уже о томъ, что меня трудно обвинить въ боязни быть самимъ собой. Но сверхъ того 1888 годъ былъ моментомъ, когда окончательно со-

---

ніями⁴. Воспользовавшись этимъ приглашеніемъ, я далъ публикуемыя объясненія для №№ 217, 224, 231 и 238 *Моск. Вѣд.* текущаго 1895 года *Л. Т.*

зрѣло міросозерцаніе, опредѣлившее всю мою послѣдующую литературную дѣятельность, и потомъ болѣе развитое мною въ *Началахъ и Концахъ* (1890 г.), *Соціальныхъ миражахъ* (1892 г.), *Борьбѣ вѣка* (1895 г.) и рядѣ другихъ статей.

Всѣ основы этого міросозерцанія не трудно видѣть въ нижеслѣдующемъ объясненіи 1888 года. Но я могу безъ ложнаго стыда сознаться, что выработка этого міросозерцанія не легко мнѣ далась. Не мало времени потребовалось для того, чтобы предо мной уяснились его частности. Это было неизбѣжно по самой исторіи его развитія.

Съ ранней юности я усвоилъ себѣ совсѣмъ иное міросозерцаніе, которое тогда господствовало въ „прогрессивныхъ“ слояхъ русскаго общества. Какъ и всѣ, я воспринялъ эти взгляды еще тогда, когда не имѣлъ никакихъ самостоятельныхъ наблюденій жизни, никакой самостоятельной критики, да не имѣлъ еще и достаточно созрѣвшаго для работы ума. Имѣя нѣкоторую способность писать, я, какъ огромное большинство и по нынѣ дѣйствующихъ либеральныхъ и радикальныхъ писателей, много лѣтъ оставался компиляторомъ чужихъ мы-

слей, воспринятых на вѣру, усвоенныхъ потому что всѣ такъ думаютъ, всѣ такъ пишутъ въ цѣлой массѣ историческихъ, экономическихъ и т. п. сочиненій. Какъ и всѣ зараженные этимъ „прогрессивнымъ“ міросозерцаніемъ, я узналъ жизнь сначала по книгамъ. Ненормальное господство книги, нужно сознаться, составляетъ нынче большое зло. Количество фактовъ, лично наблюдаемыхъ, количество ощущеній, непосредственно переживаемыхъ, почти у всѣхъ теперь ничтожно мало въ сравненіи съ тѣмъ что воспринимается изъ ненормально раздутаго чтенія. Эти книжныя „знанія“ и „ощущенія“ держали много лѣтъ и меня въ своей власти.

Лишь благодаря особымъ условіямъ своей жизни, чуть не насильно заставившей меня непосредственно наблюдать факты человѣческихъ отношеній, а потому непосредственно переживать и тѣ дѣйствительныя ощущенія, которыя ими поражаются, я началъ мало-помалу критически относиться къ ходячимъ взглядамъ прогрессистовъ. Моя критика, будучи какъ бы невольною уступкой явно кричащему факту, шла такимъ образомъ отъ *конкрета* къ общему выводу. Это былъ путь медленный

и тяжелый; каждая ступень его обходилась мнѣ дорого, тѣмъ болѣе что я работалъ въ одиночку и не скоро засвѣтилась передо мной *общая* идея, вознаградившая мое сознание за рядъ потерь и разочарованій. Развиваясь отъ частнаго къ общему, моя мысль прежде всего принуждена была отбросить явную ничтожность идей чисто революціонныхъ, захватывая потомъ все болѣе широкими радіусами все большую область „прогрессивнаго“ міросозерцанія. Но гдѣ остановиться? До какихъ предѣловъ простирается въ этой области несомнѣнная ложь, и гдѣ, быть-можетъ, начинается хотя бы относительная правда,—это не сразу уяснилось мнѣ. Въ этомъ отношеніи 1888 годъ для меня составляетъ эпоху, моментъ окончательнаго переворота.

Причины, по которымъ я выпустилъ въ 1888 г. настоящую брошюру, излагались въ ея предисловіи, но для современной публики требуютъ уже болѣе подробнаго изложенія. Дѣло въ томъ что мои давнія старанія уничтожить въ средѣ революціонеровъ „террористическую“ идею оставались совершенно неуспѣшными. Напротивъ, къ 1888 году эта безнравственная и нелѣпая идея стала проявляться съ усилен-

ною настойчивостью. Въ виду этого я счелъ необходимымъ выступить противъ нея возможно болѣе рѣшительно. Первый случай для этого дало мнѣ новое изданіе книги моей *La Russie politique et sociale*, очень замѣченной за границей и—какъ мнѣ было извѣстно!—среди русскихъ радикальныхъ элементовъ. Собственно говоря—книга эта, по моимъ тогдашнимъ взглядамъ, требовала большой передѣлки. Но на это я не имѣлъ возможности. Издатель, заказавшій клише, не соглашался на новый наборъ, и предоставилъ въ мое распоряженіе только *предисловіе*.

Предисловіемъ я и воспользовался, чтобъ обрисовать слабость революціонной идеи. Кстати, мнѣ требовалось отвѣтить на нѣкоторыя замѣчанія критики и, кажется, нѣкоторыя стороны моего отвѣта повинѣ не утратили своего значенія для извѣстной доли нашей интеллигенціи.

Вотъ что писалъ я въ этомъ мѣстѣ предисловія, начавъ съ замѣчанія лондонскаго журнала *Athenium*:

„Англійскій журналъ, въ статьѣ, столь впрочемъ лестной для меня, выражаетъ мысль, что

преувеличенныя требованія *) русской интеллигенціи лишь замедляютъ развитіе свободы. Мнѣ кажется что это мнѣніе основано на неясномъ пониманіи дѣйствительности.

„Я полагаю что вовсе не широта или узость требованій приводятъ къ безсилію русское либеральное движеніе. Настоящая причина безсилія нашихъ политическихъ программъ состоитъ въ томъ что онѣ слишкомъ теоретичны, слишкомъ мало національны, слишкомъ мало сообразованы съ условіями нашей страны. Не окрѣпшая культура нашего отечества еще не имѣла времени накопить достаточное количество политическихъ и соціальныхъ наблюденій, почерпнутыхъ изъ жизни самой страны.

„Человѣкъ нашей интеллигенціи формируетъ свой умъ преимущественно по иностраннымъ книгамъ. Онъ такимъ образомъ создаетъ себѣ міровоззрѣніе чисто дедуктивное, построение чисто логическое, гдѣ все очень стройно, кромѣ основанія—совершенно слабаго. Благодаря міросозерцанію такого происхожденія у

---

*) О которыхъ я говорю въ книгѣ.

насъ люди становятся способны упорно требовать осуществленія неосуществимаго или даже не имѣющаго серіознаго значенія, а въ то же время оставлять въ пренебреженіи условія капитальной важности.

„При императорѣ Николаѣ I правительство предприняло переустройство государственныхъ крестьянъ. Императоръ очень удачно выбралъ исполнителя своей мысли, графа Киселева, одного изъ величайшихъ государственныхъ людей, какихъ когда-либо рождала Россія. Такимъ образомъ создана была одна изъ замѣчательнѣйшихъ социальныхъ организацій нашей исторіи. Земли, пространствомъ въ цѣлую Европу, были объединены въ рукахъ государства, крестьяне обильно надѣлены, система переселеній давала исходъ новымъ поколѣніямъ земледѣльческаго класса; создана замѣчательная система народнаго продовольствія для борьбы съ неурожаями; улучшение земледѣльской культуры у 20 милліоновъ крестьянъ стало предметомъ обязательной и сознательной работы Министерства. Сверхъ того, крестьяне лично были свободны, а ихъ общины управлялись ихъ же избранниками. Черезъ два

десятка лѣтъ усилій эта обширная организація была, наконецъ, поставлена на ноги.

„Наступаетъ 1861 годъ. Александръ II принимаетъ освобожденіе крѣпостныхъ. Положеніе государственныхъ крестьянъ было тогда болѣе чѣмъ удовлетворительно. Ихъ культура дѣлала успѣхи, они правильно вносили подати, ихъ прежняя наклонность къ бунтамъ исчезла или заглохла. Что было проще, какъ подражать столь счастливому примѣру и только расширить рамки уже созданной организаціи? Но что же выбрали въ дѣйствительности? Съ 1858 по 1861 годъ наговорено было безчисленное множество фразъ, начиная отъ свободы и кончая социализмомъ, и для чего же? Чтобы кончить дезорганизаторскою реформой 19 февраля“.

Послѣ этого историческаго образчика того, что наши предпріятія далеко не всегда страдаютъ отъ чрезмѣрной *широты* требованій, такъ какъ въ данномъ случаѣ люди 1856—61 годовъ оказались именно неспособными охватить широту идеи „*николаевскихъ*“ временъ, я продолжаю:

„Итакъ,—не суженіе точекъ зрѣнія нужно намъ, а приобрѣтаніе *большей зрѣлости*. Нуж-

но отдѣлаться отъ того дѣтскаго примитивнаго воображенія, которое наслаждается фейерверками трескучихъ фразъ. Нужно приобрѣсти воображеніе зрѣлаго, развитаго человѣка, которое любитъ прочное сооруженіе изъ незыблемыхъ фактовъ дѣйствительности. Другими словами это значитъ, что нужно возможно скорѣе и шире развить цивилизацію и науку, особливо же изученіе своей страны и народа. Нужно стать способными самостоятельно пролагать свою дорогу и тогда—никакая широта желаній не повредитъ“.

Послѣ этого общаго разсужденія, я перешель къ вопросу о „революціонныхъ крайностяхъ“, въ которыхъ основная узость мысли доходить до послѣднихъ предѣловъ, особенно въ *терроризмъ*.

„Не буду, говорю я, касаться нравственной стороны подобной системы дѣйствій, хотя предвижу серіозныя опасности, которыя въ нравственномъ отношеніи можетъ породить привычка рѣшать вопросъ о жизни человѣческаго существа, основываясь только на собственномъ личномъ усмотрѣніи. Но дѣло не въ томъ. Ограничиваясь даже разборомъ вопроса *политическаго*, и съ этой точки зрѣнія террорис-

тическую идею должно признать абсолютно ложною.

„Одно изъ двухъ: или имѣются силы ниспровергнуть данный режимъ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ надобности въ политическихъ убійствахъ, во второмъ они ни къ чему не приведутъ. Мысль запугать какое-нибудь правительство, не имѣя силы его низвергнуть, — совершенно химерична. Правительство, настолько несообразительныхъ, не бываетъ на свѣтѣ. Что касается страха смерти, — то личной безопасности нѣтъ и на войнѣ, а много ли генераловъ сдавались собственно изъ-за этого?

„Или ненуженъ, или безсиленъ: вотъ единственная диллема для *терроризма*, какъ системы политической борьбы. Не говорю уже объ опасности порождаемой воспитаніемъ ума, для котораго великіе соціальные вопросы постоянно заслоняются принижающими стычками съ сыщиками...

„Боюсь что уже и сказываются послѣдствія этого приниженія. Какъ много вижу я людей, не ожидающихъ ничего великаго отъ будущаго Россіи, ничего кромѣ какого-нибудь парламента, кое-какихъ вольностей, и — для дости-